

Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность»

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В условиях турбулентных трансформаций мирового порядка сама жизнь с ее противоречиями, сложностями и неожиданностями чрезвычайно актуализирует проблемы, связанные с непредвиденными рисками и вызовами мировому развитию. Коронавирусная пандемия создала новую «нормальность» или, точнее, новую «ненормальность», в которой оказались страны независимо от геополитического статуса и места в международной иерархии. Глобальный коронавирусный кризис усугубил и без того растущую неопределенность в мировых политических процессах. Неопределенность и связанная с ней стратегическая нестабильность — питательная среда для сохранения остропроблемных узлов глобальной политики и затягивания поисков конструктивных решений, приближающих к взаимоприемлемой модели грядущего мирового порядка. Все более усложняется феномен апolarity/беспolarity (apolarity), увязываемый в последние годы с растущим весом и влиянием новых геополитических игроков и центров силы — Китая, Индии, Латинской Америки. Существенно укрепились международные позиции России, которая обрела полноценную роль в глобальной политике. В контексте нынешних геополитических противостояний и конкурентного соперничества опыт осмысления неопределенности в научных и экспертных сообществах России приобретает особую практико-политическую значимость.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, коронавирусная пандемия, турбулентность, неопределенность, новый мировой порядок

Для цитирования: Неймарк М. А. Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность». *Проблемы постсоветского пространства.* 2021;8(3):304–314. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314>

Статья поступила: 03.05.2021

Статья принята в печать: 22.07.2021

Статья опубликована: 24.09.2021

Uncertainty in World Politics: New “Normality” or New “Abnormality”

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

mark.neimark@mail.ru

Abstract: In the conditions of turbulent transformations of the world order, life itself, with its contradictions, difficulties and surprises, extremely actualizes the problems associated with unforeseen risks and challenges to world development. The coronavirus pandemic has created a new “normality” or, more precisely, a new “abnormality” in which countries find themselves regardless of their geopolitical status and place in the international hierarchy. The global coronavirus crisis has exacerbated the already growing uncertainty in global political processes. Uncertainty and the associated strategic instability is a breeding ground for preserving acutely problematic nodes of global politics and delaying the search for constructive solutions that bring them closer to a mutually acceptable model of the coming world order. The phenomenon of apolarity is becoming more and more complicated and has been linked in recent years with the growing weight and influence of new geopolitical players and centers of power — China, India, Latin America states. The international positions of Russia have significantly strengthened, which has acquired a full-fledged role in global politics. In the context of the current geopolitical confrontations and competitive rivalry, the experience of understanding uncertainty in the scientific and expert communities of Russia acquires special practical and political significance.

Keywords: world politics, Russia, coronavirus pandemic, turbulence, uncertainty, new world order

For citation: Neimark M.A. Uncertainty in World Politics: New “Normality” or New “Abnormality”. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(3):304–314. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314>

Received: 03.05.2021

Revised: 22.07.2021

Published: 24.09.2021

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 резко усугубила копившиеся в последние годы существенные изменения в стратегически важной для мировой политики и международных отношений цепочке «лидерство — гегемония — доминирование — господство», в которой

такого переплетения в немалой степени зависит от акцентированной ставки властных структур ведущих государств мира на конкретное звено другой цепочки: «мягкая сила» — «жесткая сила» — «острая сила» — «умная сила». Вся же цепочка отражает многосложные типы влияния в современной геополитике, практико-политический

функционал которых приобретает особое значение в макросистемных трансформациях мирового порядка.

НА ПОВОРОТНОМ КРУГЕ ТУРБУЛЕНТНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Еще десятилетие назад министр иностранных дел России С. В. Лавров так характеризовал геополитическую ситуацию, в которой приходилось действовать России: «Мир переживает беспрецедентный по историческим меркам переходный период, сопровождающийся перелицовкой геополитического ландшафта, формированием новой расстановки сил, турбулентностью в сферах экономики, политики, в целом в международных отношениях» [1, с. 13]. Тем самым фиксировалась растущая неопределенность в развитии мирополитических процессов, которая стала отчетливо выраженной особенностью начала этого периода.

Предпосылки к тому накапливались годами. Аналитики предупреждали против упрощенных подходов к пониманию взаимосвязей проблемных узлов мировой политики. Взаимная непредсказуемость, с полным основанием утверждал Г. Г. Дилигенский, «обладает способностью к расширенному самовоспроизводству, дестабилизируя тем самым двусторонние отношения, лишая их какой-либо определенности. Выход из этого порочного круга возможен только на путях формирования как в истеблишменте, так и в общественном мнении обеих сторон максимально реалистического образа партнера, отображающего баланс различных, присущих ему политических интересов и тенденций» [2, с. 33].

Характеризуя важнейшие причины возникновения турбулентности¹ и неопре-

деленности как одного из ее следствий аналитики констатируют: «веляниями времени становятся случайность, событийность, неконтролируемая активность, которые по-своему корректируют общественно-исторические тенденции и процессы. Каждый из них может оказаться роковым для судеб целых стран и народов. Создаются ситуации и феномены, порождаемые спонтанно, без видимых причин, будто на смену началам детерминизма приходит индетерминизм» [3, с. 75-76].

КУДА ЗАЛЕТИТ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Еще в конце первого десятилетия XXI века Н. Талев в своей знаковой работе «Черный лебедь: под знаком непредсказуемости» выделил два типа неопределенности: «известная неопределенность» — «когда мы знаем, что что-то не знаем», и «неизвестная неопределенность» — когда «мы не знаем, что чего-то не знаем» [4, с. 257]. Специфику их непосредственной корреляции с использованием «умной силы» концептуально обозначает С.В. Михневич. Он считает, что «известная неопределенность» может выступить в роли источника предсказуемого поведения для актора, обладающего соответствующей информацией об отсутствующих данных относительно тех или иных значимых факторов. Сторона, принимающая решение, может моделировать и пытаться реализовать те или иные сценарии с учетом понимания имеющихся информационных лакун. «Что же касается «неизвестной неопределенности», то она является основной проблемой при реализации политики, поскольку в случае ее проявления на разрешение возникающих

¹ Понятие «турбулентность» в мировой политике возникло отнюдь не в последние годы. Его современному прочтению и осмыслению уже три десятилетия. Достаточно вспомнить книгу широко цитируемого в нашей стране американского политолога Дж. Розенау «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность», которая была опубликована в 1990 г.

проблем расходуется колоссальный объем ресурсов». И главное: очень часто отсутствует понимание ее серьезности и возможных последствий. «Фактически проведение политики “умной силы”... непосредственно связано с “управлением неопределенностью” или ее перевод в состояние “известной” в отношении собственной политики актора и генерацию “неизвестной неопределенности” в приемлемых зонах для соперничающих центров силы» [5, с. 98].

В рамках дискуссионного обсуждения кейнсианской идеи неопределенности как неопределенности полной, лишенной всякой возможности просчета будущего, генеральный директор РСМД А. В. Кортуннов зафиксировал одну из характерных специфических черт современного мира — возрастание по экспоненте количества независимых переменных, влияющих на нашу жизнь. «И если тогда глобальный взрыв неопределенности можно было интерпретировать как следствие неожиданно быстрого, спонтанного слома системы миропорядка эпохи холодной войны, то десятилетие спустя это уже не выдерживает критики: Неопределенность — не остаточное явление прошлого, а фундаментальная проблема будущего, с которой всем нам надо что-то делать». [6].

В последнее время, как никогда ранее, актуальность приобретает остроумно-парадоксальное суждение У. Черчилля: человек, занимающийся политикой, должен предвидеть то, что произойдет через неделю, месяц, год, десятилетие, а потом — уметь объяснить, почему все это не произошло. Особое мнение в этой связи высказывает С. А. Караганов, считающий, что «главная причина разговоров о непредсказуемости — нежелание доминировавших в интеллектуальном поле западных элит и тех, кто шел в их фарватере, видеть неприятное для себя будущее. Интеллек-

туальный и политический класс Европы уверовал в неизбежность общемировой победы евромодели, а накопленный Западом потенциал (политический, военный, экономический, идеологический и информационный) позволяет навязывать всем такие взгляды» [7].

В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Для адекватного понимания мирополитических изменений в условиях нарастающей неопределенности в глобальной политике продуктивными представляются аналитические подходы российских ученых, которые осмысливают их, разумеется, с учетом опыта западных коллег, в рамках теории сложности в науке о международных отношениях. Серьезные исследования, проводимые в МГИМО (У) МИД России, Дипломатической академии МИД России, ИМЭМО РАН, других научных центрах, показывают практическую важность применения в этой теории методологии прогнозирования политических изменений, основу которой определяет акцент на многофакторном и нелинейном развитии мирополитических процессов. Проблема в том, что «причина и следствие международных событий могут быть непропорциональны, а целое не соответствовать сумме его составных частей, даже в количественном измерении. Более того, поведение государств и других акторов изменяет среду — изначальные модели поведения и их результаты зачастую влияют на последующие. Это порождает постоянные изменения, направленность которых нельзя определить, обозначив одну группу явлений как “причины”, а другую как “следствие”» [8, с. 64; 9, с. 258]. Примечательно, что в этом сходятся оценочные позиции и российских, и западных профильных исследователей.

В этой связи обращает на себя внимание чрезвычайно актуальная монография

известного французского политолога Паскаля Бонифаса «Геополитика пандемии Covid-19» с подзаголовком «Что обнажил коронавирусный кризис». Повышенный интерес к ней объясняется прежде всего тем, что автор с 1990 г. возглавляет Институт международных и стратегических исследований, который он превратил в авторитетный аналитический центр, входящий в рейтинг 50 наиболее известных мозговых центров мира. Кроме того, он принадлежит к тем французским и европейским в целом концептуальным миноритариям, кто давно выступает против бинарного, черно-белого восприятия мира, против его деления на «они» и «мы». Еще три десятилетия назад в одной из своих работ он назвал такой оценочный подход как «диснейлизация» международных отношений. Он убежден в том, что люди, занимающиеся аналитической работой «должны постоянно опасаться собственных предубеждений и опираться на максимально возможное разнообразие источников, а не на те, которые подтверждают личное мнение» [10, с. 127].

У аналитиков есть объективные основания считать, что к началу третьего десятилетия XXI века весь глобализованный мир, испытывающий колоссальное давление масштабных технологических, социокультурных и геополитических перемен, оказался на пороге очередной, а вполне возможно и беспрецедентной по масштабам, кардинальной политико-институциональной трансформации, которая в перспективе изменит образ жизни и характер социальных интеракций во всем мире. Необходимость и закономерность такой трансформации в период 2017–2021 гг. и, шире, в период 2017–2029 гг. обоснована в рамках теории эволюционных циклов мировой системы. В рамках очередного эволюционного цикла она воплощает собою переход к фазе революции мирового рынка, критически

важный начальный период этой геополитической и геоэкономической революции [11, с. 58].

Уникальность коронакризиса исследователи видят в разрыве с вековой историей чисто экономических и финансовых циклических и структурных рецессий. «По-видимому, в перспективе геополитические, эпидемиологические, климатические, миграционные триггеры окажутся в фокусе прогнозирования циклической динамики и выработки контрциклических стратегий» [12, с. 13]. С этим выводом органично перекликается утверждение К. С. Гаджиева, что геополитика «переживает своего рода новое “осевое время”, в условиях которого осуществляется процесс трансформации старого порядка, смена парадигмальных основ господствовавшего евро-западно-центристского мира и либерального/однополярного миропорядка. Такую трактовку событий можно рассматривать как новую Великую трансформацию, в процессе которой осуществляется завершение одного исторического периода и вступление современного мира в качественно новую фазу своего развития» [3, с. 80].

ФЕНОМЕН ТРАМПИЗМА В ПАНДЕМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Пандемия Covid-19 не только спрессовала в единый проблемный узел накопленные в предшествующий период наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития, но и обозначила в нем новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности мирополитических, макроэкономических и социально-гуманитарных процессов в глобальном пространстве. Их последствия наиболее выпукло проявились в США, в решениях и действиях американского руководства, совокупность

которых отразила сущность феномена трампизма. Внешнеполитические акции Д. Трампа непредсказуемо и спонтанно накладываясь друг на друга, только добавляли неопределенности в мировой политике. В этом контексте, нарастание конфликтотенного дискурса и откровенно анти-“soft power” действий Д. Трампа резко усилили как новые, так и существовавшие ранее геополитические диссонансы. Серьезный ущерб международному имиджу и репутации США нанесло решение Вашингтона о переводе своего посольства в Иерусалим. Несмотря на массивное дипломатическое давление США не удалось помешать принятию на Генеральной Ассамблее ООН резолюции, осуждающей признание Вашингтоном в одностороннем порядке Иерусалима столицей Израиля.

Абсолютизация «жесткой силы», апология односторонних, все более репрессивных решений в мировой политике и международных отношениях стала определяющей чертой трампизма. Свой лозунг «Америка прежде всего» Трамп претворял в жизнь весьма специфически: США вышли из Совета по правам человека ООН (СПЧ ООН), из Парижских соглашений по климату, из ЮНЕСКО, Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам, из ядерной сделки по Ирану, ДРСМД и Договора по открытому небу. В том же деструктивном ключе — объявленная Трампом готовность США, ультимативно обставленная очередными необоснованными требованиями к России, выйти в феврале 2021 г. из СНВ-3².

И, наконец, нанеся мощнейший удар по гуманитарной составляющей «мягкой силы» США, Трамп разорвал отношения с Всемирной организацией здравоохранения, что не может не ослабить организа-

ционные структуры ООН. Тем самым «модельная мягкая сила» США, призванная служить образцом для других стран, пожалуй, в беспрецедентной степени подверглась коррозии. Примечательно, что на Всемирной ассамблее здравоохранения 18-19 мая 2020 г. США оказались в изоляции: два американских предложения немедленно начать расследование об истоках заражения Covid-19 с обвинениями в адрес Китая и придание Тайваню статус наблюдателя в ВОЗ — провалились.

Фактически вытеснение Д. Трампом «мягкой силы» из внешней политики США вызвала болезненно-критическую реакцию Дж. Ная, хорошо знающего «изнутри» хитросплетения американской политической жизни. Он подверг резкой критике Трампа за упрощенно-линейное, «туннельное видение» международной деятельности США [13].

Между тем обобщенный смысловой стержень его обвинений — «Трамп рубит сук, на котором покоится могущество Америки» — Най характеризовал оторванной от реальности, что убедительно доказала пандемия коронавируса: «Covid-19 показал, что нам не удастся подстроить нашу стратегию под этот новый мир» [14]. Еще более выразительно высказалась по этому поводу заместитель директора Международного института стратегических исследований Кори Шейк, заявившая, что США продемонстрировали «узколобый эгоизм и бездарное головотяпство» и — что важно геополитически — «провалили тест на лидерство» [14].

Перенесемся на другую сторону Атлантики. Геополитические претензии США на монопольную гегемонию в мире, убежденность в собственной исключительности вызывают все больший

² Сменивший его на посту Президента США Дж. Байден продлил действие договора на 5 лет.

критический настрой даже у европейских стран-союзников, руководство которых едва скрывает раздражение американскими односторонними решениями, прямо игнорирующими их национальные интересы. Из выразительного жеста А. Меркель, отказавшейся под благовидным предлогом — пандемия коронавируса — принять приглашение Трампа приехать в конце июня 2020 г. в Вашингтон для участия в G-7, авторитетная французская газета «Le Monde» в редакционной статье «Серьезное охлаждение отношений между США и Европой» сделала естественный вывод о больших проблемах в трансатлантических отношениях, имея ввиду «импровизационную политику Белого дома, пренебрежение к союзником и подавленное состояние, в котором они находятся» [15].

Анализируя в этой связи в широком комплексном охвате нынешнюю политику Запада, прежде всего США, под углом зрения последствий двойного кризиса — гуманитарно-пандемического и экономического, А. В. Яковенко с полным основанием констатировал: «Запад, разрывающийся между интересами экономики/бизнеса и императивом спасения жизни собственных граждан, получает «черные шары» не только в своих странах, но и на международной арене» [16].

Как отмечается в аналитическом докладе Дипломатической академии МИД России, «смена администрации в США в 2021 г. создает повод для своевременной “тонкой настройки” всего комплекса вопросов нашей внешнеполитической работы с позиций не только большей уверенности в собственных силах, но и большей ясности — в том числе для всех остальных игроков — перспективных трендов мирового развития, глобальной и региональной политики». И далее доклад конкретизирует: «речь идет в том числе и об «умной» (smart) реализации в мировых делах наших достижений

последних двух десятилетий... Такая настройка/обновление в соответствии с требованиями времени неизбежно затрагивала бы вопросы стратегического планирования и мобилизационной готовности, что наиболее ярко проявилось в связи с пандемией коронавируса» [17].

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Ставшая крупнейшим глобальным кризисом со времен второй мировой войны, она существенно расширила ареал неопределенности в мировой политике. По официальным данным к концу первого квартала 2021 г. потери мировой экономики превысила 3,5 трлн долл., что в два раза больше, чем в результате мирового кризиса 2008 г. Одна из важнейших составных частей «мягкой силы» — экономическая эффективность государства, ее привлекательность в глазах окружающего мира. Коронавирусная пандемия нанесла тяжелейший удар по экономике отдельных стран и мировой экономике в целом. В рецессии оказалась огромная часть мирового сообщества, больше, считают эксперты, чем когда-либо прежде со времен Великой депрессии. По мнению главного экономиста Всемирного банка Кармен Рейнхарт и специалиста по экономической макростратегии Винсента Рейнхарта, сегодняшний кризис будет развиваться по аналогии с кризисом 2008 г., «но масштабы краха глобальной экономики станут катастрофическими». В подтверждение приводятся, в частности, такие факты: в 2020 г., по оценке Бюро трудовой статистики США, месячная безработица в стране достигла максимума за 72 года; неутешителен прогноз Банка Великобритании, фиксирующего самое значительное падение промышленного производства в стране с 1706 г. Ситуация в мировой эко-

номике настолько тяжелая, что профильные эксперты назвали ее «пандемической депрессией» [18]. К началу коронавирусного кризиса глобальный долг, состоящий из долгов домашних хозяйств, государств и компаний, достиг рекордной величины — 253 трлн долл. США. Отношение глобального долга к глобальному ВВП составило 322 %. Отношение долга к ВВП США и Евросоюза — 383 %, а китайского — приблизительно к 310 %. В развивающихся рынках долг нарастал быстро и достиг 72 трлн долл. США [19].

Пандемия выявила слабость ресурсного, адаптационного и мобилизационного потенциала международных институтов. Многие из них (например, ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ), выполняющие не только функции поддержания глобальной безопасности в гуманитарной, финансово-экономической или медико-эпидемиологической сферах, но и обеспечения реального межгосударственного политического диалога, — демонстрируют довольно низкую способность к изменению и адаптации к новым условиям глобальной нестабильности, низкую эффективность в поддержании межгосударственной кооперации и противостоянии новым глобальным вызовам. «В итоге весь мир находится сейчас в переходном состоянии, чревато различными потрясениями и кризисами, в своего рода фазе “интерлюдии”, когда прежняя модель мирового порядка и его институты функционируют все менее эффективно, а мотивации и импульсы к активному формированию новой модели и новых институтов еще не “вызрели”, не сформировались, не стали для политических сообществ императивом выживания в новых условиях» [11, с. 59-60].

Обращает на себя внимание тот факт, что специализированный онлайн-саммит «Группы двадцати» по коронавирусу 21–22 ноября 2020 г., в повестке для которого

значилось намерение способствовать формированию «сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного мирового порядка», сразу же выявил разногласия среди стран-участниц в вопросах касающихся пандемического кризиса. К обеспечению действенных механизмов многостороннего скоординированного сотрудничества в этой сфере призывали многие лидеры, отмечавшие практическую важность соблюдения международных медико-санитарных правил и мандата ООН и ее агентств по повышению эффективности Всемирной организации здравоохранения. Вопрос лишь в том, как и в какой степени эти заявления и пожелания будут обеспечены механизмами совместных действий и найдут практическое отражение в современной реальности и в постпандемических процессах перезагрузки международных отношений и формирования нового мирового порядка. В условиях обострения глобального коронавирусного кризиса реальные проблемы требуют действенных и быстрых ответов, а не бесконечного нарратива об “общих ценностях”. «Нужны не линейные подходы, а постоянное кризисное управление, причем упреждающего характера. Исполнительская близорукость, управленческий автопилот в постоянно меняющейся среде — рецепт провалов. Инерция, боязнь изменений, отсутствие смелости и системного видения приводят к запаздыванию в оценке рисков и утрате возможностей их купирования» [12, с. 7].

Точкой невозврата названа коронавирусная пандемия в докладе британского исследовательско-аналитического агентства The Economist Intelligence Unit, посвященном перспективам мировой политики и международных отношений в постковидный период. В докладе просчитываются те основные тенденции, которые, по мнению авторов, станут определяющими после

преодоления коронавирусного кризиса. Прогнозируется расширение мировой дезинформационной войны; ускорение переконфигурации глобальной экономической мощи с Запада на Восток; усиление Китая как глобального игрока; уменьшение глобального лидерства США; ослабление Евросоюза из-за неспособности обеспечения общеевропейской мобилизации в борьбе с пандемией; выигрыш развивающихся стран — России, Турции и Ирана [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Макросистемные трансформационные процессы — нелинейные по определению — с неизбежностью воспроизводят факторы рискогенности, отражающие ситуации, все чаще кризисные, для которых характерны появление новых и обострение старых рисков и угроз и сохранение неопределенности в мировой политике. Важнейшая особенность развития нелинейной динамики глобальных процессов — нарастание взаимозависимых геополитиче-

ских рисков, препятствующих выработке новых или качественно обновленных институциональных механизмов коллективного управления. Потенциальная конфликтность в мировой политике ускоренно переходит в стадию жесткого мультиконкурентного соперничества и противоборства, чреватого не только и не столько дестабилизацией мировой периферии, сколько усугубленным столкновением интересов ведущих геополитических центров силы. Накопление спонтанных факторов неопределенности и непредсказуемости в мировой политике в огромной степени затрудняет согласование практических вопросов, связанных с формированием каркаса грядущего глобального мироустройства. Таким образом, пристальное аналитическое внимание к проблематике неопределенности в мировой политике расширяет возможности государства максимизировать свои преимущества не только в двусторонних отношениях, но и в различных международных форматах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров С. В. Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Дипломатический ежегодник 2012. Москва: Весь мир; 2013. С. 13-24.
2. Дилигенский Г. Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? *Мировая экономика и международные отношения*. 2002;4:29-39.
3. Гаджиев К. Размышления о великой трансформации в условиях турбулентности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;64(11):74-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-74-83.
4. Талей Н. Черный лебедь: под знаком неопределенности. Москва: Колибри; 2009. 528 С.
5. Михневич С. В. Фактор «умной силы» в процессах институализации международных отношений. *Вестник международных организаций*. 2015;10(4):93-114.
6. Картунов А. Политика: искусство неопределенности. 23 января 2014. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Politika-iskusstvo-neopredelennosti-16326> (дата обращения: 28.04.2021)
7. Караганов С.А. Как самообман подменил серьезный анализ. 15 мая 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/> (дата обращения: 28.04.2021)
8. Зиновьева Е.С., Казанцев А.А. Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;59(4):58-67. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-58-67.

9. Axelrod R. M. *The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration*. Princeton: Princeton University Press; 1997. 248 С.
10. Boniface P. *Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot*. Paris: Éditions Eurolles; 2020. 190 С.
11. Лапкин В. В., Пантин В. И. Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России). *Политические исследования*. 2020;4:55-77.
12. Дынкин А., Телегина Е. Пандемия и посткризисный мир. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;64(8):5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16.
13. Неймарк М. А. Трампизм: кризис или закат «мягкой силы» США? 9 июня 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26617> (дата обращения: 28.04.2021)
14. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreign Policy*. 20 March. 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 28.04.2021)
15. Editorial. Grand froid entre les Etats-Unis et l'Europe. *Le Monde*. 20 Juin, 2020. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/06/20/grand-froid-entre-les-etats-unis-et-l-europe_6043560_3232.html (дата обращения: 28.04.2021)
16. Яковенко А. В. «Мягкая сила» и коронавирус: кто в плюсе и кто в минусе. 10 апреля 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25962> (дата обращения: 28.04.2021)
17. Администрация Байдена: риски и возможности для Российской дипломатии. 22 января 2021. URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2186/ДОКЛАД_22.01.2021_РУС.pdf (дата обращения: 28.04.2021)
18. Рейнхарт К., Рейнхарт В. Глобальная экономика никогда не будет прежней. 11 января 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemicheskaya-depressiya/> (дата обращения: 28.04.2021)
19. Ремчуков К. Доктрина геополитически ограниченного суверенитета и отказ от основ глобализации. 31 мая 2020. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-31/1_7874_doctrine.html (дата обращения: 28.04.2021)
20. *The Economist Intelligence Unit*. 12.05.2020. URL: <https://www.eiu.com/n/> [дата обращения: 28.04.2021]

REFERENCES

1. Lavrov S. V. *The World in an Era of Changes: the Priorities of the Foreign Policy of the Russian Federation*. Diplomatic Yearbook 2012. Moskva: Весь мир; 2013. 13-24 P. (In Russ.)
2. Diligenskiy G. G. Does Russia Want to be Friends with the West? *World Economy and International Relations*. 2002;4:29-39. (In Russ.)
3. Gadziev K. Reflections on a Great Transformation Amid Turbulence. *World Economy and International Relations*. 2020;64(11):74-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-74-83. (In Russ.)
4. Taleb N. *Black Swan: Under the Sign of Uncertainty*. Moskva: Kolibri; 2009. 528 P. (In Russ.)
5. Mikhnevich S. V. The Factor of “Smart Power” in the Processes of Institutionalization of International Relations. *International Organizations Research Journal*. 2015;10(4):93-114. (In Russ.)
6. Kortunov A. Politics: the Art of Uncertainty. January 23, 2014. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Politika-iskusstvo-neopredelenosti-16326> [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)

7. Karaganov S. A. How Self-deception Replaced Serious Analysis. May 15, 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budu-shhee/> [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
8. Zinovieva E. S., Kazantsev A. A. The Complexity of World Politics: Towards a New Analysis Methodology. *World Economy and International Relations*. 2015;59(4):58-67. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-58-67. (In Russ.)
9. Axelrod R. M. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton: Princeton University Press; 1997. 248 P.
10. Boniface P. Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot. Paris: Éditions Eurolles; 2020. 190 P.
11. Lapkin V. V., Pantin V.I. Global Political and Institutional Dynamics in the Context of Destabilization of the World Order (on the Example of the EU Countries and Russia). *Polis. Political Studies*. 2020;4:55-77. (In Russ.)
12. Dynkin A., Telegina E. Pandemic and the Postcrisis World. *World Economy and International Relations*. 2020;64(8):5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16. (In Russ.)
13. Neimark M. A. Trumpism: Crisis or Dawn of the US “Soft Power”? June 9, 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26617> [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
14. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreign Policy*. March 20, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> [Accessed: 28.04.2021]
15. Editorial. Grand froid entre les Etats-Unis et l'Europe. *Le Monde*. 20 Juin, 2020. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/06/20/grand-froid-entre-les-etats-unis-et-l-europe_6043560_3232.html [Accessed: 28.04.2021]
16. Yakovenko A. V. “Soft Power” and Coronavirus: Who Are Winners and Who Are Losers. April 10, 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25962> [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
17. Biden's Administration: Risks and Opportunities for Russian Diplomacy. January 22, 2021. URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2186/ДОКЛАД_22.01.2021_РУС.pdf [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
18. Reinkhart K., Reinkhart V. The Global Economy Will Never Be the Same. January 11, 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemicheskaya-depressiya/> [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
19. Remtchukov K. The Doctrine of Geopolitically Limited Sovereignty and the Rejection of the Foundations of Globalization. May 31, 2020. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-31/1_7874_doctrine.html [Accessed: 28.04.2021] (In Russ.)
20. *The Economist Intelligence Unit*. 12.05.2020. URL: <https://www.eiu.com/n/> [Accessed: 28.04.2021]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; mark.neimark@mail.ru